

18+

КРЕНОВ ВАЛЕРИЙ

СОБАКА НЕ ИЗ НАШЕГО МИРА

ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК
ОТПУСКАТЬ, НЕ ТЕРЯЯ ЛЮБОВЬ

Кренов Валерий

**Собака не из нашего мира.
История о том, как
отпустить, не теряя любовь**

«Издательские решения»

Валерий К.

Собака не из нашего мира. История о том, как отпускать, не теряя любовь / К. Валерий — «Издательские решения»,

В мире, где сны запрещены, а память о смерти стирается, один человек видит во сне огромную собаку, не существующую в реальности. Она ведёт его через прошлое, любовь и отпускание, становится проводником между мирами и архетипом тех, кого уже нет в нашем мире. Это философская притча о том, как душа учится отпускать, не теряя любовь, и как сны могут быть последним свободным языком души. Всё в романе — художественный вымысел; любые совпадения со случайны и не преднамеренны.

© Валерий К.

© Издательские решения

Содержание

— — Глава 2: Вода, обувь и просьба	9
Глава 4: Собака и память о Маше	11
Глава 5: Валера, которая даёт только дружбу	12
Глава 6: Отпускать без возвращения	13
Глава 8: Собака и сериал о снах	14
— — Глава 9: Собака напоена водой	15
Глава 10: Собака как тень Валеры	16
Глава 11: Собака и погибшая Маша	17
Глава 12: Собака и новая любовь	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Собака не из нашего мира История о том, как отпускать, не теряя любовь

Кренов Валерий

© Кренов Валерий, 2026

ISBN 978-5-0069-7615-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

дисклеймер в начале книги

Все персонажи, события и сны этого романа вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми, местами, телеканалами, программами, организациями или технологиями являются случайными и не преднамеренными. История содержит художественные и философские интерпретации снов, памяти, любви и отпускания и не претендует на достоверность в религиозном, научном или историческом смысле.

Оглавление

1. **Собака, которой не может быть**
2. **Вода, обувь и просьба**
3. **Кто ты и где ты жила? **
4. **Собака и память о Маше**
5. **Валера, которая даёт только дружбу**
6. **Отпускать без возвращения**
7. **Собака слишком большая для этого мира**
8. **Собака и сериал о снах**
9. **Собака напоена водой**
10. **Собака как тень Валеры**
11. **Собака и погибшая Маша**
12. **Собака и новая любовь**
13. **Собака в съёмках сериала**
14. **Собака, которая не только моя**
15. **Собака и Закон между мирами**
16. **Собака и телевизор**
17. **Собака просит обнять в последний раз**
18. **Собака уходит в своё время**
19. **Новая глава без собаки рядом**
20. **Собака, которая всегда будет выше**

Как можно развить дальше

1. **Трилогия**:

— «Собака, которая выше человека» — про прошлое и отпускание.

— «Собака и телевизор» — про сериал, славу и мистику вокруг образа собаки.

— «Собака между мирами» — про тех, кто ещё не отпустил своих ушедших, а собака помогает им пройти через это.

2. **Сценарий для сериала**:

— Каждая глава книги — 1—2 серии, с параллельными сценами, где герой пишет сериал, и реальность подстраивается под него.

Введение

В каждом из нас живёт множество жизней. Мы проходим через миры, не оставляя следов, но в каждую из этих жизней проникаем глубже, чем можем себе представить. Эти истории, запечатлённые в нашем опыте, формируют нас, даже если мы не осознаём этого. Иногда, когда ночь окутывает землю, мы сталкиваемся с тем, что уже знакомо, но забыто. Это может быть запах, звук или... огромная собака, чья тень растянулась на горизонте.

Главный герой этой истории — человек, который, как и все мы, пытается найти смысл в потере, любви и воспоминаниях. Он не знает, что его сны — это не просто фантазии, а двери в другую реальность, где его ушедшие любимые живут в новом облики. Эта собака, которая не может существовать в нашем мире, становится проводником между двумя реальностями — той, где он был счастлив, и той, где ему предстоит отпустить.

С каждым сном он всё глубже погружается в свои воспоминания, пытаясь разобраться в том, что значит жить и любить, когда те, кого ты любил, ушли. Он не подозревает, что его новые сны — это не просто отражение его боли, а возможность для реинкарнации, где каждая встреча с собакой — это шанс вспомнить, отпустить и, возможно, начать заново.

— —

Каждый раз, когда он закрывает глаза, эта собака возвращается, как если бы жила в его памяти. Она удивительно большая, словно сама Вселенная заключилась в её шерсти, и её глаза светятся пониманием, которое трудно выразить словами. Она не просто проводник; она — хранитель его воспоминаний, сливая воедино образы Маши, Валеры и других, оставивших след в его сердце.

Эта книга — попытка разобраться в том, как мы можем отпустить, не теряя любовь. Это история о том, как один человек, ведомый своей мистической собакой, открывает для себя путь через боль, память и надежду на новую жизнь.

— —

Глава 1: Собака, которой не может быть

В тишине ночи, когда город уснул, он снова оказался в том месте, где всё начиналось. Сны всегда были его спасением, но в последнее время они стали чем-то большим — порталами в забытые миры. Он лежал в своей постели, и, когда глаза начали закрываться, его сознание погрузилось в знакомую темноту.

В этом сне он оказался на знакомой аллее парка, где когда-то гуляли с Машей. Луна светила ярко, и её свет отражался в стеклянных прудах, создавая призрачную атмосферу. Он знал, что этот сон требует от него чего-то больше, чем просто наблюдение.

И вот она, огромная собака, появилась из тени деревьев. Она была выше него, с густой шерстью, переливающейся как звёздное небо. Он замер, когда собака подошла ближе, её глаза полны мудрости и печали. Она напоминала ему о Маше, но была и чем-то другим — неуловимо мистическим.

— Ты пришла, — произнёс он, хотя знал, что собака не говорит. Она просто смотрела на него, и он почувствовал, как в его сердце зашевелились забытые чувства.

Собака опустила голову, как бы приглашая его подойти ближе. Он сделал шаг вперёд и, едва коснувшись её шерсти, ощутил тепло, которое окутывало его, как объятие. Это было нечто большее, чем просто воспоминания; это было ощущение дома, которое он потерял.

— Почему ты здесь? — спросил он, хотя понимал, что не получит ответа. Но собака лишь положила лапу на его руку, и он понял: это не просто сон. Это знак.

В этот момент он вспомнил, как однажды Маша сказала: «Сны — это мосты к тем, кто ушёл. Они напоминают нам, что любовь не исчезает».

Собака подняла голову, её глаза засияли, как будто подтверждая слова Маши. В этом сне он нашёл не только утешение, но и понимание: ему предстоит пройти путь, полный воспоминаний, чтобы отпустить тех, кого он любил.

Когда он проснулся, утро заливало комнату мягким светом. Он огляделся, но ощущение собаки всё ещё витало в воздухе. Он знал, что это только начало его пути, и что с каждым новым сном он будет открывать всё больше о себе, о любви и о том, как отпустить.

Он встал с постели, ещё ощущая тепло собачьего прикосновения. Внешний мир казался слишком ярким и резким после нежной темноты сна. Он подошёл к окну, приоткрыв шторы, и взглянул на улицу — город, который никогда не спит. Но в его сердце царила тишина, словно всё время, проведённое с Машей и Валерой, снова окутало его своим уютом.

Утро начиналось, но он не спешил. В голове всё ещё крутились образы: собака, её глаза, наполненные пониманием, и тот момент, когда она положила лапу на его руку. Это было больше, чем просто сон; это была связь, которая не могла исчезнуть.

Он решил прогуляться, чтобы развеять туман в голове. Пройдя по знакомым улицам, он невольно вспомнил, как гулял здесь с Машей. Каждый уголок парка, каждая скамейка были наполнены воспоминаниями. Он чувствовал, что собака из сна ведёт его, словно показывая, что ему нужно отпустить.

На скамейке, где они когда-то сидели, он заметил старую пару, кормящую голубей. Их смех напомнил ему о радостях, которые он испытал в жизни. Но вместе с этим пришло и осознание потерь. Он глубоко вздохнул, чувствуя, как внутри что-то щемит.

Неожиданно его телефон завибрировал. Это был текст от продюсера — «Ты готов обсудить сценарий? Мы можем встретиться сегодня». Он вспомнил, как мечтал написать историю о собаке, которая помогает людям отпустить своих близких. Эта идея начинала обретать форму, и теперь, когда он видел собаку в своих снах, она казалась ещё более реальной.

На встрече он рассказал о своей идее, о собаке, которая могла бы стать проводником для тех, кто потерял любимых. Продюсер слушал, кивая, но на его лице читалось недоверие.

— Ты уверен, что это сработает? — спросил он. — Это слишком... мистично.

— Возможно, но именно в этом и есть сила. Многие люди переживают утрату, и иногда им нужно что-то, что поможет им справиться, — ответил он, вспоминая объятие собаки из сна.

После встречи, полон решимости, он вернулся домой. Чувство собаки не покидало его, и он решил, что должен написать о своих снах. Он сел за компьютер и начал записывать всё, что помнил: каждую деталь, каждое чувство. Каждый раз, когда он касался клавиш, он чувствовал, как собака рядом, словно она вдохновляла его.

Погружённый в работу, он не заметил, как вечер сменила ночь. Он закончил первую главу своего сценария и вдруг ощутил, что за окном что-то движется. Он выглянул и увидел ту самую собаку, стоящую на тротуаре, словно ждала его. Сердце забилось быстрее.

— Ты здесь? — прошептал он, и в этот момент он понял, что его жизнь и его сны переплетаются всё теснее. Собака, не из этого мира, пришла, чтобы помочь ему найти путь. Он знал, что теперь ему нужно не просто писать, а понимать — что она хочет сказать, что она хочет научить.

Собака встала и медленно пошла прочь, обернувшись на него. Он почувствовал, что это приглашение — следовать за ней. Он выскочил из квартиры и, не раздумывая, побежал за ней, готовый открыть двери в мир, который давно ждал его.

— — Глава 2: Вода, обувь и просьба

Он догнал собаку у старого, почти заброшенного дворика, где когда-то в детстве мыл обувь в железном тазу. Вода с неба капала с крыши, как будто весь мир готовился к дождю, но в реальности небо было чистым.

Собака остановилась у таза, который вдруг снова появился среди луж и мусора — будто этот дворик существовал и в сне, и в его памяти одновременно. Она смотрела на него, и в её глазах он увидел то, что раньше воспринимал дружеским смирением:

«Ты уже отпустил, ты дал, теперь я здесь не как твоя любовь, а как твоя чистка».

Он снял одну обувь, потом другую, как делал в детстве, когда мама заставляла вымыть подошвы, чтобы не пачкать пол. Вода в тазу была тёплой, почти прозрачной, как будто в ней растворились все его слёзы, все объятия Маши, все обиды на Валеру, когда она просила «только дружбу».

— Ты просишь воды... — тихо сказал он, не зная, обращается ли к собаке, к себе или к ушедшему времени.

Собака положила лапу на край таза, как будто напоминая: это не только таз, это ёмкость, в которой ты моешь не только обувь, а свои чувства.

Он наклонился, зачерпнул воду руками и поднёс к её чёрному, чуть влажному носу. Вода капнула на каменный пол, и вместо звука падающей капли раздался тихий, похожий на шёпот, голос — не её, а Маши:

«Ты даёшь, а не берёшь. Это и есть отпускание».

Он вздрогнул, но не оторвал взгляда. Собака пила, долго и спокойно, а в его голове всплыли сцены:

как Маша плакала, когда он её обнимал;

как она говорила, что они не смогут быть вместе, потому что «она больше не в нашем мире»;

как он тогда чувствовал себя просто другом, стоящим рядом, но не внутри её жизни.

Собака оторвалась от воды, встряхнула мордой, и в её каплях словно отражалось сразу несколько лиц:

Маша — в той самой обнимке, когда она сказала: «Не держи меня, отпусти, если любишь»;

Валера — в момент, когда она смеялась, но обняла только тогда, когда ей самой стало нужна опора;

и он сам — ребёнок, моющий обувь, который не понимает, что уже учится чистить не только следы, но и боль.

Он оглянулся — вокруг двор стоял, как будто замер. Никого не было, только тень, расходящаяся от собаки, огромная, тёмная, но не пугающая, а как будто обнимающая. Словно сама Вселенная наклонилась к нему и сказала:

«Ты уже отпустил их. Теперь ты можешь взять воду, которую давал им, и отдать себе».

Он вдруг почувствовал, как горит в груди то, что раньше держал внутри:

нежелание признать, что Валера не сделает из него любовь, только друга;

боль, что Маша ушла, и он не успел сказать, что они могли быть вместе, если бы она жила; злость на себя за то, что слишком долго жил в роли «того, кто обнимает, но не любим».

Он присел рядом с собакой, по-детски, на корточки, и положил руку ей на шею, как в первый сон.

Она снова обняла его, но не лапами, а всем своим телом, как стеной, защищающей от потока воспоминаний.

— Я отпустил, — шепнул он. — Я отдал им всё, что мог.

Собака чуть-чуть кивнула, как будто соглашаясь, что «да, это была твоя жертва, но теперь ты можешь быть и тем, кого любят, а не только тем, кто любит».

Глава 3: Кто ты и где ты жила?

Вернувшись в настоящий день, он сидел у стола, смотрел в пустой документ Word и пытался вписать собаку не только в сон, но и в реальный сюжет.

На экране мигал курсор, но он не мог писать, пока не ответил на главный, неожиданный вопрос:

«Кто ты на самом деле?»

Он вспомнил, как в снах собака вела себя как любимая подруга, но ни в чём не напоминала реальную, земную, домашнюю собаку. Она не лаяла, не играла, как щенок, не таскала палку — она обнимала, молчала, шла рядом, вела.

Именно так вела себя Валера, когда он нуждался в поддержке:

спокойная,

верная,

не обещающая любовь, но всегда рядом.

Но одновременно в ней был образ Маши:

та, что ушла,

та, с которой он мог бы быть, если бы она жила,

та, чьи объятия он вспоминает как что-то вечное, даже если в реальности они были редкими и короткими.

Он вдруг понял, что собака — не просто символ, а совокупность всех тех, кого он не смог донести до любви, но отпустил с благодарностью.

Она — и Валера, и Маша, и все его прежние подруги, которых он любил, но не делал своей любовью, а только другом, опорой, собеседником.

Он вспомнил свой разговор с другом, когда он впервые признался, что Валера не даёт большего, чем дружба:

— «Ты всегда будешь только другом, — говорил друг. — Валера разбирает людей на части: кто друг, кто любовь, кто случайность. Ты оказался в категории „друг“».

Он тогда рассмеялся, но сердце болело.

Теперь, думая о собаке, он понял, что мистический образ вынес этот паттерн на поверхность:

«Ты снова отдаёшь, снова обнимаешь, снова даёшь воду, но не просишь того, что хочешь сам.

Я пришла, чтобы ты заметил это и изменил».

Он открыл новую заметку на телефоне и написал:

«Собака, которая не только Маша и не только Валера.

Она — те, кого я отпустил, и одновременно те, кого я ещё не встретил.

Она — проводник между тем, что я был, и тем, каким я буду».

И в этот момент в чате всплыло сообщение от продюсера:

«Сцена про сон, где герой моет обувь и даёт воду собаке — это слишком по-личному. Ты не боишься, что зритель поймёт: это реальный сон, а не выдумка?»

Он улыбнулся, словно собака, сидящая у него в голове, ответила за него:

«Именно в этом и сила истории.

Если ты не боишься быть честным, то и сон, и жизнь, и сериал — всё одно».

Глава 4: Собака и память о Маше

Ему снился дом Маши. Не тот дом, что на фотографиях, а дом, сотканный из её голосов: кухонный стол, который всегда был немного клееный, окно, через которое она смотрела на дождь, и занавеска, которую она поправляла, будто соблюдая ритуал каждое утро. Собака лежала у её двери, как страж, и её дыхание было тихим, ровным — как будто в нём сохранялся ритм Машиного сердца.

Он вошёл. Комната пустовала и одновременно была полна: чашка с губами помады на краю, шарф, брошенный на спинку стула, фото, где она смеётся. Он подошёл к окну, и собака встала, медленно подошла к нему и, не смотря на размер, согнулась так, чтобы их взгляды встретились.

В её глазах появилась знакомая улыбка — не слова, а чувство. Он вспомнил ту ночь, когда Маша просила его не держать её. Воспоминание не резало и не пронзало; оно было тёплым, как остывший чай. Собака коснулась его щеки носом — и в голове зазвучал её голос, не от собаки, а как эхо:

«Я не хотела увести тебя от жизни. Я хотела, чтобы ты жил в ней по-настоящему».

Он вспомнил все необозначенные прощания: обещания, что всё будет хорошо, письма, которые он так и не отправил, и ту последнюю чашку кофе, которую она оставила почти полной. Но теперь сожаление смягчалось. Словно кто-то снял с него тяжёлый плащ ошибок и дал взамен простую рубашку: честную, податливую, очищающую.

Маша — через собаку — не требовала ответов, не обвиняла. Она только просила одно: жить. Собака уткнулась в его ладонь, и он понял: память не должна быть гробницей, она может стать порогом.

Глава 5: Валера, которая даёт только дружбу

На следующий день реальность подбросила ему вызов. Валера пришла сама — не через сон, а через дверь его квартиры, как будто договорившись с реальностью: «Поговорим?». Она была такой же спокойной и уверенной, как всегда, с тем же лёгким отстранённым взглядом, который умел оставлять людей в зоне «друга».

Разговор начался просто: о погоде, о малых новостях, о том, что у неё новая работа. Он слушал и чувствовал, как старые мышцы отпускают напряжение, не потому что слова её были нежны, а потому что собака из ночи научила его держать границы иначе. Там, где раньше он подстраивался, соглашался, ждал подтверждения, теперь было место для вопроса: «А чего хочешь ты?»

— Ты всегда был рядом, — сказала Валера вдруг, глядя ему в глаза. — Но ты сам решай, где тебе быть.

Он ответил честно: «Я хочу быть рядом... но не только по договорённости. Я хочу быть тем, кого выбирают не из жалости или привычки».

Слова прозвучали не как упрёк, а как окончание старого соглашения: он снял роль «повсеместного друга» и оставил её в прошлом. Валера улыбнулась и, как человек, который никогда не обещает, сказала: «Тогда тебе идти дальше». Они попрощались без драм — с той самой чистой грустью, которую подарила собака во сне.

Глава 6: Отпустить без возвращения

Ночью он снова оказался у воды — не в дворе, а у широкой реки, где свет луны делал гладь серебряной. Собака стояла на берегу и наблюдала, как он держит в руках маленький свёрток: там были письма, старые билеты, фотографии, вещи, которых он не мог выбросить в жизни. В ручье отражение его лица дрожало.

«Отпустить — не значит забыть», — произнесла собака тихо, и в её голосе слышалось одновременно и прощение, и твердость. Он бросил свёрток в воду. Оно плывало, не горело и не исчезало, а растворялось в темноте, словно превращаясь в звёзды, которые касались лунного следа на реке.

Он ждал рыданий, ожидаемого облегчения, но почувствовал спокойное принятие — как будто память заняла другое место в теле, не требующее жертвенных кадров, а радующееся тому, что каждая вещь нашла своё место в истории. Собака облизала ему руку, и тепло её прикосновения стало знаком: отпускание — это не безвозвратный акт потерянности, это переименование любви в другую форму.

Он вернулся домой другим человеком — не потому, что все раны исчезли, а потому, что теперь они были частью его жизни, а не её хозяином.

Глава 7: Собака слишком большая для этого мира

Сны начали меняться. Иногда собака просто следовала за ним по кварталу, тихая тень на тротуаре. Иногда она росла до размеров небоскрёба, и её шерсть была ночью покрыта звёздами. В один из таких снов он оказался на крыше дома, и собака наклонилась, чтобы он мог влезть между её лопатками, как в укромный уголок лодки. Оттуда открывался вид: города, реки, лица, которые он любил и потерял, словно карты на столе вселенной.

Её огромность не пугала. Она была символом масштаба любви и памяти, переживающих любые границы. Когда он поднял руку, чтобы коснуться её носа, мир за ними дрожал, и он увидел, что собака — не единичный сосуд. В её шерсти отражались другие жизни: дети, старики, пары в залах ожидания, люди, которые молча держат фотографии. Она несла в себе множество историй, и каждая была тесно переплетена с его.

Он понял, что это не только его путеводитель. Она явилась тем, кто помогает множеству людей пройти через своё одиночество. Быть с ней — значит принять, что личная боль — часть общего поля, и что отпущение одного приносит облегчение многим.

Глава 8: Собака и сериал о снах

Идея, которую он давно носил в голове, превратилась в сценарий. Продюсер теперь уже заинтересованно следил за тем, как сны становятся сценами, а сцены — реальностью. Съёмки начались в старом доме, где раньше стоял таз, где он мыл обувь. На площадке актёры пытались воплотить то, что было истиной для него, но чужим для них: тишину, в которой собака не лает, а слушает; взгляд, в котором нет рационального объяснения, а есть давно утраченная мудрость.

Во сне собака приходила на съёмки и ложилась между декорациями. Никто не видел, кроме него. Но её присутствие меняло воздух: актёры становились честнее, сцены — тише. Режиссёр начал задерживать кадры дольше обычного, а операторы нашли кадры, где свет ложился так, будто делал из тьмы объятие.

Сериал вырос из его личной истории в пространство, где зрители узнавали своё. Он понял, что его сон — не исключение, а мост. И когда прошла премьера пилота, люди писали о своих снах, о тех, кого они отпустили, и о том, как один образ — огромная собака — помог им сделать шаг.

Собака осталась с ним и на экране, и вне его. Она была там, где нужно было правде: в тишине сцены, в частых паузах его жизни, в звуковых дорожках тех, кто слушал.

— — Глава 9: Собака напоена водой

Сон начался с простого жеста — он нёс в руках кувшин с водой. В доме, где раньше стоял таз, теперь был длинный коридор, по стенам которого висели фотографии людей, которых он любил. Собака ждала в конце, сидя, как статуя, но когда он подошёл, её тело дрогнуло от жажды.

Он наклонил кувшин и стал лить воду прямо в её широко раскрытую пасть. Поток был обильный, но не расточительный; казалось, что каждый глоток был ответом на протяжённую тишину. Когда вода стекала по её подбородку, в отражении на каплях он увидел сцены — разговоры, недосказанности, моменты, которые он хотел исправить. Но вместо обвинения вода приносила прощение.

Собака оторвалась и посмотрела на него так, будто в её взоре скользнуло благодарственное письмо. Её глаза не были теперь только зеркалом прошлого — они смотрели в его будущее. Он понял: давать воду — это позволять себе быть источником, не теряя границ; это умение заботиться о других, не оставляя пустоты внутри себя. После этого сна он проснулся с тихим знанием, что можно любить и не иссякать.

Глава 10: Собака как тень Валеры

Однажды днём Валера пришла в дверь так внезапно, что он подумал: реальность вновь решила поиграть в сны. Её походка была прежней, но на мгновение он увидел её через призму ночных встреч — в её жестах пряталась собачья терпимость: спокойная, не требующая ответной страсти.

Во сне та же сцена разворачивалась иной палитрой: собака лежала у ног Валеры и отбрасывала длинную тень, которая накрывала их обоих. Тень это была не пугающая, а защищающая — она разделяла пространство между ними и миром, делая возможным разговор, который раньше обходили молчанием.

Валера говорила о маленьких вещах, но в тени собаки он слышал и то, что не говорилось вслух: признание в том, что нельзя требовать чужих сердец, только потому что ты сам их дарил. Он почувствовал облегчение — не потому, что терял Валеру, а потому, что освободился от необходимости быть тем, ради кого другие перестают жить своей жизнью.

Глава 11: Собака и погибшая Маша

Сон обрел резкость: дом Маши звал через холод и свет. В одном из шкафов он нашёл коробку с её вещами, и когда дотянулся до неё, собака взяла коробку и аккуратно отвернула крышку носом, как бы читая содержимое. Вместо бумажного шума из коробки вырвалась музыка — фрагменты Машиного смеха, слова, не сказанные им тогда.

Он сидел на полу, и собака уложила голову ему на колени. В её дыхании он услышал дополнения, которые никогда не принадлежали времени: Машины обещания, её страхи, её нежность. Но вместо желания вернуть её назад он вдруг понял, что Маша — не утраченная вещь для хранения, а голос, который может подсказывать, как жить дальше.

Сон не дал ответа на горечь утраты, но убрал тяжесть вины. Машин голос стал мягким компасом: жить, не забывая, но не затопляя себя прошлым. Он проснулся с чувством, будто кто-то тихо закрыл дверь, оставив в комнате свет.

Глава 12: Собака и новая любовь

Новая женщина вошла в его жизнь неожиданно, как проблеск на фоне повседневности. Она не была похожа на Машу или Валеру: её смех был другим, её руки — другими. Сначала он смутился, опасаясь повторения старой схемы «я даю — мне дают дружбу». Но сны уже научили его новому языку.

Собака в очередной раз появилась и стала рядом с ними, но теперь она не была посредником памяти, а простым свидетелем. Когда он держал эту женщину за руку, собака положила голову у их ног, и в этом жесте не было ни зависти, ни одобрения — только разрешение быть настоящими.

Он научился спрашивать — не догадываться; говорить — не только слушать; оставаться — не растворяясь. Любовь вошла не как спасение, а как выбор. И в ночах собака улыбалась (так ему казалось) оттого, что он, наконец, не путал обязательств и желания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.